

МИССИЯ ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Как Россия приросла Средней Азией

Беседа с писателем, автором биографии Николая Михайловича Пржевальского Ольгой Владимировной ПОГОДИНОЙ.

Ольга ПОГОДИНА. Существует несколько версий происхождения рода Пржевальских. Одна из них, изначально присутствовавшая в его биографиях, состоит в том, что его предки происходили от запорожского казака с фамилией Паровальский (Перевальский). Есть и другая версия, согласно которой это был витебский помещанин. Так или иначе, предки Пржевальского поступили на службу в войско Стефана Батория и получили шляхетство, после чего фамилия приобрела польскую форму.

"ЗАВТРА". Ольга Владимировна, как получилось, что его потянуло в Центральную Азию? С чего всё началось?

Ольга ПОГОДИНА. Были все предпосылки к тому, чтобы Пржевальский стал путешественником, поскольку его детство проходило в достаточно необычных условиях. Его отец умер, когда Николаю было всего семь лет. Его мать, Елена Алексеевна, урождённая Каретникова, осталась вдовой с четырьмя детьми, Николай был в семье старшим. По его воспоминаниям, характер у матери был жёсткий. Его строго воспитывали, пороли розгами, что он позднее отмечал без какой-либо обиды, считая подобное воспитание нормальным. Мать полностью управляла имением, у неё попросту не было возможности уделять детям внимание. Воспитанием во многом занимался её брат, который, по свидетельствам историков, разорился и жил вместе с семьёй. При жизни отца Пржевальского он промотал своё имение, будучи картёжником и мотом, но и страстным охотником. Поэтому с самых ранних лет и сам Николай, и его младший брат Владимир целыми днями пропадали в лесу, на охоте и рыбалке. Можно сказать, что Пржевальский вырос очень закалённым, своего рода "Маугли". Кроме того, интересна судьба его деда по материнской линии — отца Елены Алексеевны Каретниковой. Дед Пржевальского Алексей Каретников получил дворянство, по всей видимости, за заслуги, оно не было потомственным. Есть сведения, что он служил фельдъегерем и обладал большой зоологической коллекцией, так что интерес к естественным наукам мог передаваться Николаю именно от деда.

По линии отца в роду были потомственные военные. Этим объясняется то, что юный Пржевальский изначально видел своё предназначение в военной службе и был к ней полностью готов. Он поступил на службу, но его характер с самого начала был ярко выраженно лидерским. Ещё в гимназии отмечали, что он заступался за слабых и не терпел лжи. На военной службе он, вероятно, мог бы стать выдающимся офицером, однако он оказался в рутинной обстановке. Его рязанский полк, как он сам писал, жил картонными играми, праздными разговорами и бессмысленной муштрой, и всё это было для него невыносимо. Он совершенно не терпел пьянства, поскольку его дядя был пьяницей, и это вызывало у него отвращение. Непросто представить, чем развлекались офицеры в тылу, поэтому он с ними не сходилась.

Постепенно рос его интерес к естественным наукам. Он самостоятельно собирал ботанические коллекции, много охотился, пропадал на природе. Затем выяснилось, что у него фотографическая память, и он почти всегда выигрывал в карты. Пройграть молодому офицеру, да ещё с таким характером, было некомфортно для окружающих, о чём свидетельствует его письмо матери, где он прямо пишет, что эта жизнь для него практически невыносима.

В результате он начинает искать, куда приложить энергию, а энергии у него было действительно очень много. Сначала он буквально бредит путешествиями. В это же время поступают сообщения об открытиях англичан в Африке, и у него появляется мечта отправиться в неизведанные земли. И Пржевальский обращает внимание на неоткрытые земли на окраинах Российской империи. И в этот момент важно сказать, что как раз тогда происходит разграничение сфер влияния России и Китая. В 1858 году заключается Айгунский договор с Китаем, который определял границу по Амуру и закреплял земли Дальнего Востока, а через два года подписывается Пекинский трактат 1860 года. С одной стороны, он считается для Китая невыгодным, поскольку в это время Китайская империя была ослаблена опиумными войнами, но с другой стороны эта огромная территория оставалась практически неисследованной. У Николая Михайловича появляется шанс поступить в Академию Генерального штаба. Ради этого он занимался по восемнадцать часов в сутки и в итоге поступил. Нужно также сказать, что ещё во время службы он пытался подать рапорт, за что был на три дня посажен в карцер.

Его дальнейшая биография показывает, что в выражениях он не стеснялся, на компромиссы не шёл, и это был человек, для которого вполне можно было бы выбрать девиз "вижу цель, не вижу препятствий". Уже на втором курсе он написал свою первую научную работу "Опыт статистического описания и военного обозрения Приамурского края",

не побывав там ни разу и опираясь только на те знания, которые смог собрать. Работа оказалась настолько качественной, что впоследствии широко использовалась, а многие положения, сформулированные в ней, отличались глубоким аналитическим уровнем. Одновременно с этим его судьба делает резкий поворот. Начинается второе польское восстание, и в Генеральном штабе объявляют, что курсанты, которые вызовутся добровольцами, смогут досрочно окончить обучение. Пржевальский вызывается добровольцем.

На тот момент Варшава уже давно входила в состав Российской империи. Пржевальский некоторое время участвовал в подавлении восстания, но достаточно быстро стал предпо-

возможно, именно этот случай породил знаменитый принцип Пржевальского не брать в экспедиции женатых людей, потому что они могут нарушить планы, чего он совершенно не терпел. Буквально случайно он находит своего первого спутника в экспедицию уже в Иркутске. Им стал шестнадцатилетний Николай Ягунов. Обычно их уссурийское путешествие в источниках не называют первым и считают его "нулевым", однако я считаю, что это было первое полноценное путешествие, учитывая все трудности, с которыми они столкнулись, и именно оно дало необходимый опыт для последующих экспедиций.

К моменту, когда они выехали из Иркутска, по Байкалу уже ходили пароходы. Пройдя на одном из них

давателем Варшавского юнкерского училища. И именно здесь у него открылся талант преподавателя и оратора, который впоследствии очень ему помог.

Обладая мощным воображением, хорошим литературным стилем и даром живого слова, он оказался настолько ярким педагогом, что ученики сбегали с других уроков, чтобы послушать его лекции. Очень скоро вокруг Пржевальского, тогда ещё совсем молодого (ему было двадцать пять лет) сформировался круг юнкеров, которых он принимал у себя дома. В письмах сохранялись описания их визитов: их кормили, поили, они ждали хозяина дома, пока он работал. Затем он выходил, и начинались беседы. Таким образом создавался близкий круг общения.

Пржевальский был человеком преданным, и впоследствии на протяжении долгого времени он набирал себе спутников в экспедиции именно из выпускников этого училища. Тем временем его успехи заметили и в 1864 году Пржевальского приняли в члены Императорского Географического общества, несмотря на его молодость. В конце 1866 года Пржевальский получил назначение в штаб Восточно-Сибирского военного округа в Иркутске и одновременно был зачислен офицером Генерального штаба. По дороге туда он встретился с Петром Петровичем Семёновым-Тянь-Шанским, который в тот момент был вице-председателем Русского географического общества. Тянь-Шанский тепло напутствовал молодого исследователя, однако финансирование экспедиции никому не известному юноше предоставить не смог. Прибыв в Иркутск, будучи выпускником Академии Генерального штаба и его офицером, Пржевальский получил своё первое задание — проведение переписи населения Уссурийского края. Также к этому прилагалось путешествие на озеро Ханка с орнитологическими исследованиями. В определённый момент спутник Пржевальского, которого он привёз из Варшавы, внезапно начал проситься домой, говоря, что у него есть невеста, о которой он тоскует, и в итоге Пржевальский остался один.

через Байкал, они отправились в путешествие по Сунгаче. Далее они отправились в путешествие по Сунгарии, Усури и Амуру и прибыли на озеро Ханка. В дневниках Николая Михайловича встречаются прекрасные описания этого пути. Он с большой точностью фиксирует всё по дороге, создавая цельную и насыщенную этнографическую картину.

Одно из ярких описаний мне особенно запомнилось. Прибыв на озеро Ханка, он отметил: местные жители не знают, что такое чёрная икра, и выбирают её за ненадобностью, то ли не умея солить, то ли вообще не употребляя в пищу. Он также описывает осетров калуг. Калуга — это осетровая рыба, обитающая в Амуре, почти такая же крупная, как белуга. Я, например, видела во Владивостоке в музее калугу длиной около четырёх метров.

Пржевальский пишет, что, заходя в озеро Ханка, эти огромные рыбы оказываются в очень мелкой воде, глубиной около полутора метров, и он не понимает, как они вообще проходят по таким мелким рекам. При этом он отмечает, что один берег озера был заселён русскими поселенцами, а другой — китайцами, но ни те ни другие чёрную икру не ели.

"ЗАВТРА". Он научил их её использовать?

Ольга ПОГОДИНА. Об этом ничего не сказано. Зато он очень много пишет о птицах. Он действительно был большим любителем стрелять птиц и при этом человеком чрезвычайно азартным. Когда он путешествует, он описывает, что они идут со своим спутником, нанимают нескольких казаков, и как только он видит какую-нибудь птицу, он требует остановиться, берёт ружьё или штуцер, начинает прицеливаться и стрелять. Его спутники по этому поводу на него, скажем так, сильно злились, потому что азарт был таков, что он мог на несколько часов остановить лодку ради добычи очередной птицы.

"ЗАВТРА". Но он ведь говорил, что это им на ужин, просил не злиться.

Ольга ПОГОДИНА. Само собой, потому что питались они действительно во многом тем, что добывали сами. Запас, который можно было увезти с собой, был очень небольшим, и в основном это был порох. Он прямо пишет, что главный его запас — это порох, а пропитание они добудут сами. Но когда он начинал отстреливать экземпляры для коллекции, а затем заниматься их препарированием, требовалось много времени.

Они оставались до осени на озере Ханка, и после двинулись в сторону Владивостока. Часть пути они прошли пешком, часть — на пароходах, затем встретили военное судно, но путь состоял из больших пеших переходов, было много тяжёлой поклажи. Далее они направились в гавань Святой Ольги, а затем последовал очень тяжёлый переход по горам. Уже была глубокая осень.

Здесь необходимо сказать о политическом фоне того времени. К этому моменту уже несколько лет продолжалось Дунганское восстание. Север Китая, а также территории современной Монголии и часть Восточного Туркестана, то есть современные Киргизия, Казахстан и Таджикистан, находились в состоянии постоянных столкновений между мусульманским населением, в том числе теми, кто жил на территории нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района, и китайским населением.

Ослабленная Китайская империя вела войну сразу на два фронта, поскольку продолжались и опиумные войны. Контроль на местах ослабевал, затем снова предпринимались попытки военного подчинения, после чего вспыхивали новые восстания. Это было вялое, но постоянное сопротивление, шедшее волнами. Дунганское восстание началось за несколько лет до путешествия Пржевальского, и его отголоски сохранялись в годы его странствий, в 1868–1869 годах. Обстановка была крайне неспокойной, в неизвестных местах фактически царило безвластие, и никогда нельзя было предугадать, с кем ты столкнёшься. Отряд у Пржевальского был очень небольшой, и он, в том числе, становился свидетелем нападений. При этом в его дневниках встречаются и почти анекдотические эпизоды. Например, он описывает, как вечером они, с гружёными лошадьми, увидели фанзу и без спроса зашли внутрь. Там находился старый маньчжур, китаец, который был явно не рад внезапному появлению вооружённых незнакомцев. Пржевальский подарил ему стеариновую свечу в качестве платы за ночлег, и старик с большим удовольствием начал её жевать. Когда ему подарили ещё и кусок мыла, он съел и его с тем же энтузиазмом. Такие забавные истории Пржевальский тоже фиксировал в своих записях. Пройдя этот путь, они вернулись на озеро Ханка. В дневниках есть очень красивое и красочное описание весеннего перелёта птиц. Они наблюдали, как сначала появляются одиночные птицы, ибисы, лебеди, а потом, как он пишет, стада за стадами пролетают над ними, сопровождаемые постоянным шорохом тысяч и десятков тысяч крыльев. Это описание особенно ясно показывает его натуру естествоиспытателя и ту поэтичность, с которой он умел видеть и фиксировать природу. Позже Пржевальского отозвали для подавления восстания. Задачу свою он выполнил, восстание было подавлено. Но при этом он был в достаточно степени заботлив, помогал вдовам, но в то же время мог быть очень грубым и жёстким. Когда он находился на побережье Тихого океана, он зимовал в доме, где жила юная барышня. А к этому моменту он уже написал учебник географии, который пользовался большой популярностью. И вот его попросили с барышней позаниматься географией. Он взял учебник и написал на нём: "Долби, пока не выдолбишь" — и положил на стол. Видимо, чем-то она ему не понравилась. Из этого эпизода в том числе вырос миф о том, что он был женоненавистником, что также подкреплялось его принципом брать в отряды исключительно неженатых мужчин. Но, учитывая его трепетное отношение к своей матери и сестре, дело, скорее всего, было в том, что барышня ему просто не понравилась. Но это пошло ей на пользу, потому что она выросла, выучилась медицине, после чего пришла к Пржевальскому и положила ему на стол свою диссертацию.

Завершив своё путешествие, он написал жёсткий обзор по его итогам, где вскрыл все язвы, к которым привело насильственное переселение на Дальний Восток, организованное правительством. Он с возмущением писал о царящей нищете, о людях, которые не относятся к этим территориям как к своей родине. Поэтому запускаются поля, а освоенные территории несравнимы с центральными областями. После такого обзора он нашёл себе много врагов, хотя по завершении первого путешествия его встретили хорошо.

Уже в 1870 году при поддержке Русского Географического общества ему удаётся выхлопотать путешествие, которое считается первой полноценной экспедицией в Центральную Азию. Средств на неё выделяют совсем немного, но это его не смущает. В это путешествие, которое в большинстве источников принято называть первым центральноазиатским или "Монгольским", с ним отправляет-

ся всего четыре человека! Во второе путешествие с ним отправляется девять человек, в третье — тринадцать, в четвёртое он набирает уже почти сорок, и этот выбор он сам впоследствии считал неудачным. Со временем он приходит к выводу, что отряд численностью тринадцать-пятнадцать человек является оптимальным, не слишком большим и не слишком малым.

Непросто представить, что для такого небольшого отряда, везущего с собой большие коллекции, требовалась отчаянная смелость, особенно в незнакомых местах, где царило безвластие. Власть Китая, как уже говорилось, была ослаблена, существовали разрозненные ханства и княжества, в том числе тангутские, но их влияние было эфемерным из-за постоянных престолонаследственных конфликтов и внутренних дрязг. По сути, вся эта территория представляла собой пёстрый мозаичный ковёр, в котором невозможно было ориентироваться.

Тем не менее финансирование было получено. Часть средств выделило Русское географическое общество, часть — Генеральный штаб. Полноценное путешествие началось из Кяхты, откуда он с небольшим отрядом отправляется по знаменитому чайному пути, проходившему через пустыню Гоби. Именно по этому пути чай издавна поступал в Россию, что во многом определило его место как национального напитка. Шёлковый путь пролегал по другому маршруту, а в тот момент ключевым для России был именно чайный путь. Несмотря на суровые условия, экспедиции чаще всего шли зимой, поскольку люди меньше боялись мороза, чем изнуряющей жары. В этом первом центральноазиатском путешествии, которое по общему счёту было вторым, Пржевальский добился многого, но не достиг главной цели. Его маршрут был изначально ориентирован на Тибет, и он стремился попасть в недоступную для европейцев Лхасу.

Основным препятствием оказались не политические, а прозаические обстоятельства. Ему катастрофически не хватало денег. В эту экспедицию он вложил и собственные средства, заработанные весьма необычным способом. Во время зимовки во Владивостоке, когда делать было нечего, он много играл в карты и выиграл у местных купцов двенадцать тысяч рублей, за что получил прозвище "Золотой фазан". Эти деньги позволили ему покрыть значительную часть расходов и относительно спокойно готовиться к экспедиции, но даже и этих средств не хватало на длительное содержание отряда. Лошади и верблюды гибли, условия были крайне тяжёлыми, и в какой-то момент ему пришлось занимать деньги у русского посланника, генерала Влангали. Несмотря на это, он подошёл к своей цели как никогда близко, до Лхасы оставалось около двухсот пятидесяти вёрст.

Он пишет, что условия в тот момент были благоприятными, хотя китайское население относилось к нему настороженно. Его сопровождали и наблюдали, поскольку он вёл картографическую съёмку. Пользуясь своей фотографической памятью, он отставал под предлогом усталости, запоминал местность, а затем ночью, при свете костра, по памяти наносил данные на карты. По мере приближения к Тибету контроль ослабевал, и ему удавалось устанавливать более доверительные отношения с местными жителями. Однако средств не оставалось даже на обратный путь, на пропитание людей и покупку лошадей. Он раздал всё что мог, и был вынужден повернуть назад. В дневниках он описывает это как тяжёлую и горькую неудачу. Тем не менее на обратном пути он открыл для европейской науки верховья рек Янцзы и Хуанхэ, посетил озеро Кукунор и вернулся с огромным научным багажом.

Итоги этой экспедиции, несмотря на недостижение главной цели, оказались колоссальными. По возвращении он получил признание на самых высоких уровнях. Его упорство, вложенные собственные средства, положительные отзывы, в том числе генерала Влангали, и общий успех экспедиции привели к тому, что на него обратила внимание императорская семья. С этого момента проблем с финансированием у него больше не возникало.

"ЗАВТРА". Мне кажется, это тот человек, благодаря которому мы выиграли у британцев большую игру в регионе. Без него всё могло бы сложиться иначе.

Ольга ПОГОДИНА. Британцы действительно двигались в этом направлении. Я считаю, что если бы Пржевальский во время своих первого или второго центральноазиатских путешествий сумел дойти до Лхасы, если бы ему хватило средств и если бы ему больше доверяли в момент подготовки экспедиции, история региона могла бы пойти по-другому пути. Несмотря на успехи в Уссурийском крае, существовали как негативные оценки, так и прямые попытки помешать его работе. Если бы этого было меньше, он, на мой взгляд, мог бы изменить историю региона, поскольку в тот момент Тибет тяготел к сфере русского влияния.

Беседовал Александр МАРКОВ

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru